

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>

УДК 330.1, 330.8

JEL Q01, B25

Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение¹

Марина Е. КАДОМЦЕВА ✉

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

✉ kozyreva_marina@mail.ru

Для цитирования: Кадомцева, М. Е. (2023). Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение. *AlterEconomics*, 20(1), 166–188.
<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>

Аннотация. С конца XIX в. концепция устойчивого развития эволюционировала от первоначального акцента на экологическом измерении экономического роста к нынешнему пониманию, изложенному в семнадцати целях устойчивого развития. Новые вызовы времени, такие как пандемия, последствия глобальных климатических изменений, усиление социального неравенства и геополитическая напряженность, потребовали поиска решений, выходящих за рамки инерционных экономических учений. В данной статье предпринята попытка получить целостное представление о трансформации научных подходов к решению проблем устойчивого экономического, социального и экологического развития на разных временных этапах, а также теоретически обосновать ключевые положения концепции устойчивого развития в контексте актуальных глобальных трендов. Для этого был проведен обзор отечественной и зарубежной литературы в области формирования идеи устойчивого развития, который сопровождался осмыслением совокупности фактов и объективной информации о господствующих в разное время подходах, сложившихся в ходе эволюции научного познания и развития направлений экономической теории. Все это привело к принципиальным выводам относительно характера временного периода, обусловившего развитие концепции. Основываясь на сочетании историко-статистического и теоретического анализа с использованием метода периодизации, резюмированы обстоятельства, при которых происходила смена взглядов на триаду «экономика–природа–общество». Полученные в ходе исследования выводы могут дать понимание вероятных направлений трансформации концепции устойчивого развития и обозначить контуры будущих системных преобразований, связанных с проявившимися себя глобальными тенденциями.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический рост, климат, пандемия, социальное неравенство

¹ © Кадомцева М. Е. Текст. 2023.

REVIEW ARTICLE

The Concept of Sustainable Development: The Evolution of Theoretical Approaches and Modern Vision

Marina Ye. KADOMTSEVA ✉

Institute of Agrarian Problems RAS – Subdivision of the Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

✉ kozyreva_marina@mail.ru

For citation: Kadomtseva, M. Ye. (2023). The Concept of Sustainable Development: The Evolution of Theoretical Approaches and Modern Vision. *AlterEconomics*, 20(1), 166–188.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9>

Abstract. Since the end of the 19th century, the concept of sustainable development has evolved from its original focus on the environmental dimension of economic growth to its current understanding summarized in the UN's 17 Sustainable Development Goals. The new challenges of our time, such as the pandemic, global climate change, increased social inequality, and geopolitical tensions, have necessitated a search for solutions that go beyond inertial economic doctrines. This article aims to present a holistic view of the transformation in scientific approaches to the problems of sustainable economic, social, and environmental development at different stages. It also aims to substantiate the main provisions of the concept of sustainable development in the context of current global trends. The article, therefore, contains a review of Russian and international literature on sustainable development showing the key research trends in this field. Applying a combination of historical-statistical and theoretical analysis methods, the study describes the circumstances which led to a change in the views on the “economy-nature-society” triad. As a result, insights are offered into the most likely directions for further transformations of the concept of sustainable development and associated global trends.

Keywords: sustainable development, economic growth, climate, pandemic, social inequality

1. Введение

Один из выдающихся идеологов политической доктрины либерализма, заложивший фундамент западной философии жизненного успеха, английский философ, просветитель Дж. Локк в своем учении о государстве и праве развивал мысль о том, что бедность, подобно войне, является разрушительной силой для общества. По его мнению, причины бедности необходимо искать не в человеческих взаимоотношениях, а в окружающей нас природе, которая наибольшую пользу оказывает, становясь частной собственностью (Локк, 1988). Тем самым предполагалось, что решить проблему бедности человек может, покорив природу и производя как можно больше материальных ценностей. Другими словами, с помощью экономического роста богатство должно победить бедность. Данные принципы легли в основу капиталистического развития стран Запада.

Современный этап социально-экономического развития характеризуется высоким глобального масштаба неравенством. В.К. Левашов, исследуя социально-политическую компоненту устойчивого развития, приводит ряд примеров того, как с годами драматически назревал разрыв в уровне благосостояния между Западом и остальным миром, развитых и развивающихся стран в показателях роста населения и валового внутреннего продукта на душу населения (Левашов, 2014). В погоне за «западными» стандартами жизни страны пытались и пытаются применять стратегии догоняющего роста. Однако достижение этой цели с испол-

зованием традиционных моделей развития и устаревших технологий стало все больше увеличивать нагрузку на природу (Сухарев, 2011).

На смену модели индустриального развития, принципам максимизации экономической прибыли, пришло понимание фундаментальной экономической проблемы ограниченности ресурсов (Кадомцева, 2021). Вопросы развития, переплетаясь с динамикой народонаселения, переместились из чисто экономической сферы в область эколого-экономической парадигмы. Реальная экономика стала рассматриваться как открытая система, которая для своего функционирования извлекает природные ресурсы, производя большое количество загрязнителей окружающей среды. Постепенно пришло осознание, что неэквивалентный обмен ресурсами, труда и услуг, потребительская эксплуатация природы, приводят к критическим масштабам процессов деградации, вырождения и самоистребления. Пагубные последствия неконтролируемой эмиссии парниковых газов, ускорение таяния ледников, учащение ритма и роста деструктивной мощи стихийных бедствий, прогрессирующее обезлесивание (Пыжев, 2021) и опустынивание, оскудение животного мира и биоразнообразия в целом, поставили под угрозу существование самой жизни на Земле. Перед человечеством встал серьезный глобальный вопрос: как при сокращении ресурсов на душу населения достичь повышения жизненного уровня (в т. ч. обеспечить доступ к качественным ресурсам) людей, да еще при условии увеличения их численности?

На протяжении десятилетий у представителей разных экономических школ существовали различные позиции и точки зрения к подходам для решения данной проблемы. Впоследствии результаты исследований глобального устойчивого взаимодействия между экономикой, обществом и биофизической средой были сведены к следующему ключевому тезису, на основе которого сформировалась концепция устойчивого развития, а именно: преодоление бедности и равенство возможностей на основе экономического развития при условии сохранения качества окружающей среды для ныне живущих и будущих поколений (Гизатуллин, Троицкий, 1998).

Вот уже более половины века концепция устойчивого развития имеет самостоятельный теоретический статус. Как система научных взглядов она получила признание мирового научного сообщества. Вокруг нее стали развиваться области различных теоретических и эмпирических знаний о происходящих в мире социальных, экономических, политических, экологических и других процессах, ориентированных на научно-планируемое поддержание и развитие жизни на Земле. Теоретическая проработка вопросов и реализация идей устойчивого развития находят отражение в концептуальных документах Организации Объединенных Наций (ООН), Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Европейской комиссии, Всемирного банка и многих других авторитетных международных неправительственных структур, задающих вектор устойчивого развития общества в планетарном масштабе. Как призыв к действию богатых, бедных и развивающихся стран были сформулированы Цели устойчивого развития, в которых обозначен пул основных проблем развития человечества. Вместе с тем возникают новые вызовы и угрозы, такие как изменение климата, пандемия, социальное неравенство, геополитические риски, усиление которых смещает центр тяжести концепции. Вопрос о возможности преодоления назревших проблем в рамках традиционных научных подходов стал предметом острых дискуссий среди научного сообщества.

Актуальные глобальные тренды меняют ключевые детерминанты устойчивого развития, обуславливают смену научных взглядов. Автор полагает, что на разных временных этапах становление концепции устойчивого развития происходило неравномерно, и внимание к экологическим, экономическим и социальным проблемам во многом зависело от изменения внешних макроэкономических условий и доминирующих на тот момент экономических школ. Для проверки гипотезы был сформирован библиографический массив, в который были включены принятые на конференциях и саммитах межправительственных организаций программные документы в области устойчивого развития, фундаментальные исследования зарубежных авторов начала и середины XX в., а также российских ученых-современников. Обзор отечественной и зарубежной литературы сопровождался осмыслением совокупности фактов и объективной информации о господствующих в разное время подходах, сложившихся в ходе эволюции научного познания и развития направлений экономической теории.

Анализ работ представителей классических экономических течений позволил проследить этапы формирования концепции в процессе трансформации взглядов на устойчивое развитие от ресурсно-экологического к триединому подходу. Был также применен подход временной периодизации, основанный на сочетании историко-статистического анализа сменяющихся подъемов и спадов мировой экономики с теоретическим. Взятый за основу более чем столетний период исследования позволяет наложить сделанные выводы на теорию «длинных циклов» Н.Д. Кондратьева с тем, чтобы проследить за изменением внимания и переосмыслением научных подходов к проблеме устойчивого развития в процессе глобального социально-экономического развития. Тем самым автором был предложен и обоснован оригинальный принцип периодизации этапов формирования концепции устойчивого развития. Установленная закономерность зарождения и спада интереса к решению проблем устойчивого экономического, социального и экологического развития в зависимости от стадии цикла мирового развития экономики и общества в полной мере может считаться элементом научной новизны.

Сделанные теоретические выводы и полученные результаты будут способствовать формированию контуров долгосрочных ориентиров в разработке национальных стратегий, программ и мероприятий по обеспечению устойчивого экономического, социального и экологического развития.

2. Зарождение идеи устойчивого развития

Зарождение идеи устойчивого развития и последовательная ее трансформация неразрывно связаны с эволюцией научного познания. Первые шаги в формировании различных представлений об устойчивости можно проследить со времен становления философской мысли (Кадомцева, 2021). Однако концептуальный пласт современного представления об устойчивом развитии был заложен на этапе становления классической экономической теории. В работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» выдающийся английский экономист А. Смит изложил целостную систему теоретических представлений, которые составили основу концепции стационарного состояния экономики. Основными драйверами развития экономики он видел не внешние, а внутренние факторы — труд, землю и капитал. Однако при этом не брались в расчет факторы экологических ограничений экономического роста.

Исследования вокруг идеи «стационарной государственной экономики» продолжили Д. Рикардо и Т. Мальтус. При обосновании принципов устойчивой государственной экономики Д. Рикардо сосредоточился на механизме дифференцированной ренты. Развивая мысль о том, что нехватка и удорожание пахотных сельскохозяйственных угодий ведут к снижению прибыли, им было обозначено данное явление как фактор ограничения экономического роста. В гл. 1, 2 своей книги «Очерк принципа народонаселения» Т. Мальтус предположил, что население мира в конечном итоге будет голодать или жить на минимальном уровне существования, потому что производство продуктов питания не поспевает за ростом населения. По его мнению, население сдерживают такие факторы, как нищета, порок и моральная сдержанность (Malthus, 1959). Таким образом, исследования вокруг доступности сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственных земель, позволило в те годы сформулировать понятие «пределов роста».

В постклассической экономике биофизический мир утратил свою актуальность, хотя и не исчез полностью. Природная среда нередко стала анализироваться с точки зрения рационального использования запасов природных ресурсов и выработки оптимальной политики в контексте факторов антропогенного воздействия (Cannan & Pigou, 1921; Hotelling, 1931). Постепенное осознание потенциальных последствий загрязнения и деградации окружающей среды стимулировало развитие новых областей исследований, включая экономику окружающей среды. Американский ученый Д. Марш, проанализировав разнообразные формы разрушения человеком природного равновесия, сформулировал программу охраны природы (Марш, 1866). Получила развитие такая отрасль науки как «экология социальная»¹, которая дала существенный импульс трансформации научного мышления, выработав новые теоретические подходы и методологические ориентации у представителей различных наук. Сложность и многогранность проблемы обусловили применение системного подхода. Основываясь на принципах системности, социальная экология анализирует природную среду как дифференцированную систему, различные подсистемы и элементы которой находятся в динамическом равновесии. Биосфера Земли рассматривается как экологическая ниша человечества. Окружающая среда и деятельность человека связываются в единую систему «природа — общество», раскрывается воздействие человека на равновесие природных экосистем, ставится вопрос об управлении и рационализации взаимоотношений человека и природы.

В то время как классические экономисты четко стали понимать, что экономическая деятельность ограничена окружающей средой, неоклассическая экономика, начиная с послевоенных лет, полностью «забыла» об этой важной характеристике экономики реального мира вплоть до 1970-х гг. XX в., когда начались дебаты о социальных и экологических ограничениях экономического роста. В первые послевоенные десятилетия широкое распространение получила концепция «большого толчка». Модель развития, применявшаяся развивающимися странами, была ориентирована на максимизацию эффективности экономической системы. Считалось, что интенсивный экономический рост способен обеспечить всеобщее процветание и преодоление социального и межстранового неравенства. При этом неоднократно указывалось на поступательную траекторию экономического раз-

¹ Огурцов, А.П., Юдин, Б.Г. (1983). Экология социальная. Под ред. Ильичев Л. Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. В: *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская Энциклопедия, 840.

вития промышленно развитых стран, основанную на непропорционально высоких затратах природных ресурсов. Решение проблемы отсталости виделось, прежде всего, как технико-экономическое. Социальные и институциональные изменения отошли на второй план. Стержнем конструкции выступало соотношение инвестиций и темпов роста валового национального продукта. Валовой национальный продукт стал традиционно считаться лучшим показателем эффективности для измерения национальной экономики и благосостояния. Именно в то время получают широкое развитие модели С. Кузнеця и Р. Солоу, которые представляют технологическое развитие как экзогенный фактор (Kuznets, 1966). В своей нобелевской лекции «Современный экономический рост: выводы и мнения» С. Кузнец определяет экономический рост как «долговременное увеличение возможностей поставлять все более разнообразные товары потребления, причем эта возможность основывается на развитии передовых технологий, институциональных и идеологических необходимых установок» (Окрепилов, 2007).

Эволюция глобальных концепций отражена в Международных стратегиях развития ООН. Анализ Международных стратегий развития на второе и третье Десятилетие развития ООН (1971–1980 гг. и 1981–1990 гг.) показал, что в формулировках стратегии были весьма схожими (Иванов, 1995; Klarin, 2018)¹. Конечной целью развития считался непрерывный рост благосостояния всего населения на основе его полноценного участия в процессе развития и справедливого распределения его плодов (п. 42 Резолюции Генеральной Ассамблеи 35 / 36 от 05.12.1980)². Ликвидация голода, снижение заболеваемости, улучшение образования упомянуты в документе без количественных индикаторов и лишь в качестве инструментов повышения макроэкономической активности. При этом экологические параметры полностью отсутствовали³.

Несмотря на то, что в те годы большинство функций перешло от государства к рынку, за государством осталось прямое вмешательство для развития инфраструктуры и человеческих ресурсов, ликвидации бедности, сохранения природных ресурсов и поддержания экологического равновесия (Gradus & Smulders, 1993; Vaumol & Oates, 1988). Ограниченность ресурсов хотя и стала осознаваться как фундаментальный экономический факт, однако «даровые блага природы» просто были признаны бесплатными.

Представители неоклассического направления весьма оптимистично смотрели на технический прогресс и экономический рост. Они, как правило, признавали, что даже если производственные технологии экономики могут потенциально привести к увеличению выпуска продукции, соизмеримому с увеличением затрат, общий выпуск будет сдержан ограниченными запасами ресурсов (теория роста с исчерпаемыми ресурсами). Но эти ограничения могут быть преодолены с помощью технического прогресса. Если темпы технического прогресса достаточно высоки,

¹ UN. General Assembly (1970). Resolution adopted on the reports of the sixth committee. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/348/90/IMG/NR034890.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.07.2022).

² UN. General Assembly (1980). Resolution of the 35th session of the UN General Assembly. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/a35r63_UNCPP_en.pdf/ (дата обращения: 16.07.2022).

³ UN. General Assembly (1961). Resolution of the 25th session of the UN General Assembly. A/RES/1710(XVI). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/167/63/PDF/NR016763.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.07.2022).

чтобы компенсировать снижение количества доступных услуг в области природных ресурсов на душу населения, производительность на одного работника может расти бесконечно. Таким образом, в неоклассической теории термин «устойчивое развитие» приравнен к термину «устойчивый рост», по большей части выражая рост в количественном увеличении масштаба экономики, в ее физическом изменении. Это предполагает увеличение объема и скорости материальных и энергетических потоков, проходящих через экономику, количественный рост народонаселения, увеличение запасов продуктов труда, и т. д.¹.

3. Становление концепции устойчивого развития

Политика и практика консервативного либерализма (основы неоклассической теории) и этатического социализма во 2-й пол. XX в. привели к «противопоставлению природы и общества» (Левашов, 2014). Попытка победить бедность с помощью умножения материального богатства, эксплуатации и использования в этих целях ресурсов и сил природы обернулась растущими сбоями и катастрофами и поставила под угрозу саму реальность существования жизни на планете. К 1970-м гг. XX в., во всем мире начали проявляться назревшие экологические проблемы. Перед экономической наукой встала задача осмыслить сложившиеся тенденции эколого-экономического развития и разработать принципиально новые концепции будущего.

В этот период времени получила начало своего развития кибернетика. Используя методы системной динамики, на основе рассчитанных с помощью машинного моделирования путей развития мира (сценарии «Мир-1», «Мир-2»), Дж. Форрестер продемонстрировал инженерный подход к анализу и оценке проблем эволюции человечества (Forrester, 1971). Доработанный и расширенный прогнозный сценарий «Мир-3», опубликованный в работе «Пределы роста», авторами которой стали представители такого течения западной философии, как «экологический пессимизм» — Д. Медоуз, Й. Рандерс — дал значительный импульс в направлении устойчивого развития (Медоуз, 2007; Meadows et al., 1972). В модели Форрестера–Медоуза население, капитал, производство, потребление и отходы растут по экспоненте². Однако неограниченный рост на ограниченном объекте (в данном случае на планете Земля) невозможен, имеются объективные пределы, после которых неизбежна катастрофа. Работы этих исследователей построены на принципе «...есть предел роста, но нет — развитию». Подобная мысль изложена в ранее опубликованной статье К. Боулдинга «Экономика будущего космического корабля Земля» (Boulding, 1966). Серия опубликованных работ привлекла самое широкое внимание общественности к глобальным экологическим проблемам. На их основе был сформулирован основной постулат — последствия воздействия на окружающую среду в масштабах земного шара (расходование природных ресурсов и выбросы загрязнений) сильно скажутся на развитии мира в XXI в. Так, с работ Римского клуба началось формирование концепции «Sustainable development» в противовес общественному мнению относительно роста и устойчивости, сложившемуся за несколько десятилетий.

На Стокгольмской конференции 1972 г. произошел сдвиг основного акцента от экономического к эколого-экономическому развитию. Одним из результа-

¹ Измерение ненаблюдаемой экономики: руководство. URL: <https://www.gks.ru/metod/izmer.pdf> (дата обращения: 11.08.2022).

² Рост населения мира. Отдел народонаселения ООН, редакция 2019 г. URL: <https://ourworldindata.org/world-population-growth> (дата обращения: 24.07.2022).

тов этого форума стало создание Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде, миссией которой являлось обеспечение лидерства и поощрение партнерства в деле защиты окружающей среды путем воодушевления, информирования и предоставления странам и народам возможности улучшать качество своей жизни без ущерба для будущих поколений.

Значимой вехой в стремлении достижения баланса между экономическим, экологическим и социальным аспектами можно считать создание Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию в 1983 г. на Генеральной Ассамблее ООН. В 1987 г. комиссия опубликовала отчет Брундтланд под названием «Наше общее будущее». Он основан на том, что было достигнуто в Стокгольме, и дает наиболее политически значимое из всех определений устойчивого развития: «Устойчивое развитие — это развитие, которое отвечает потребностям настоящего без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

На протяжении нескольких десятилетий представителям неоклассического направления удавалось сохранять авторитетную позицию в экологической экономике. Деградация окружающей среды рассматривалась исключительно как проблема распределения. Неоклассики использовали подход к исследованию взаимосвязи экономической системы и биофизической среды преимущественно с точки зрения равновесия, поскольку оно было напрямую связано с эффективностью. Однако основные постулаты неоклассического направления фокусируют внимание на сравнении различных равновесных состояний преимущественно в статической структуре, что делает подход не совсем исчерпывающим и подготовленным к изучению путей развития в направлении устойчивой экономики, т. е. о возможных изменениях от одного равновесия к другому (Шаститко, 1995; Mulder & van den Bergh, 2001). Выпадают из внимания долгосрочные институциональные изменения, оказывающие влияние на исследуемый краткосрочный отрезок времени, а также полнота информации. Вместе с тем основные сдвиги в экономической структуре связаны преимущественно с неопределенными и необратимыми изменениями. Комплексный характер таких изменений требует применения целого набора подходов к изучению связи экономики и экосистемы, учитывающих динамические процессы обратной связи (Holling, 1987; Фенин, 2018).

Одним из долгосрочных и необратимых изменений считается глобальное потепление. С конца 1990-х гг. прошлого столетия повсеместно начала звучать климатическая риторика, которая к настоящему времени стала определяющей в векторе устойчивого развития¹. Все большее число теоретиков стремилось рассмотреть проблемы глобальных изменений окружающей среды, используя институциональный подход (Saleth & Dinar, 2004; Söderbaum, 1992; Opschoor & van der Straaten, 1993). При этом взаимосвязь институциональной структуры с устойчивым развитием раскрывалась через систему институтов, регулирующих сохранение человеческого капитала, формирование и извлечение природной и инновационной ренты, воспроизводства природно-экологической среды и минерально-сырьевой базы с учетом текущих, среднесрочных и долгосрочных интересов (Тамбовцев, 2019).

В центре методологии, на которую опираются институционалисты, находятся два взаимосвязанных понятия — изменения и неравновесность (Мантатов, Мантатова, 2017). Осуществление оценки устойчивости социально-экономических

¹ The Global Risks Report 2022, 17th Edition, is published by the World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2022.pdf (дата обращения: 03.09.2022).

систем происходит посредством интерпретации основных положений теории эластичности, связывая ее с концепцией риск-устойчивости. В таком случае эластичность понимается как способность системы сохранять структурную целостность и взаимосвязи между объектами, определяющих данную систему при дестабилизирующих воздействиях внешней среды. На пути траектории устойчивого развития величина потерь (транзакционных издержек системы) характеризует при прочих равных условиях уровень эластичности. Таким образом, институциональная теория склонна рассматривать влияние негативных климатических изменений через призму транзакционных издержек.

Институциональный подход рассматривает трансформационные процессы как стремление системы институтов к состоянию равновесия. При этом важнейшее значение в поддержании стабильности системы имеют функциональная структура и качество исполнения институтами своих функций. Институционалисты под устойчивым развитием подразумевали экономический рост не в количественном его выражении, а в качественном. Прогрессивные структурные сдвиги в экономике должны создавать условия для роста производительности труда и повышения уровня и качества жизни населения.

В отличие от традиционного неоклассического подхода (экономического образа мышления) институционализм исходит из первостепенного значения социальных норм и правил, формирующих поведение человека (индивида). Поведенческие предпосылки субъектов экономики и институты рассматриваются как эндогенные факторы экономического развития (Wicher, 2014; Vujcich & McGuinness, 2008; Ostrom et al., 1999; Munda, 1997; Young, 2002). В данном аспекте сторонники институционализма следуют социально ответственному мышлению, которое базируется на принципе взаимной (солидарной) ответственности. Оно составляет основу модели инклюзивного экономического роста, стимулирующего участие всех слоев населения в экономической активности.

С позиции институционального подхода устойчивое развитие тесно связано с этикой (Sathaye et al., 2007; Dempsey et al., 2011; Amantova-Salmane, 2017; Kanke et al., 2021). Идеи этической устойчивости развиваются, как на уровне государственного регулирования, так и на уровне фирмы (Detomasi, 2005). В мировой практике под эгидой ООН получили развитие «Принципы корпоративной социальной ответственности» и «Концепция бережливого менеджмента» (Choudhary, 2019; Jakhar, 2018; Тяглов, Такмашева, 2019). Принцип рационального использования ресурсов заложен также в идее «устойчивых городов», «эко-индустриальных парков» (Nimah, 2021). Как составляющие вектора устойчивого развития, они заключаются в осознанном отношении хозяйствующих субъектов к требованиям социальной необходимости. Большинство идей берут свое начало с фундаментальных работ по социальной ответственности бизнеса 2-й пол. XX в. (Carroll, 1979).

Исследуя современные модели капитализма и применяя принцип институциональной взаимодополняемости, Э. Магнин приводит пример того, как для решения важнейшей глобальной экологической проблемы, а именно увеличения выбросов парниковых газов в атмосферу и связанного с этим риска изменения климата, были признаны актуальными два экономических подхода: взимание налога (представитель неоклассической школы — А. Пигу) и создание рынка разрешений на выбросы (представитель неинституционализма — Р. Коуз) (Magnin, 2018)). Хотя методы Р. Коуза и А. Пигу и относятся к двум различным теоретическим анализам,

налог на выбросы диоксида углерода и торговля эмиссионными квотами стали текущей реальностью в развитых странах, особенно в Европе. В рамках диктуемой стратегией декарбонизации предписаний и моделей экономического поведения данные механизмы (в тесной связи с корпоративной социальной ответственностью) получили широкое распространение в таких странах, как Великобритания, Франция, Бельгия, Эстония, Испания. Компании берут на себя добровольные обязательства в области управления отходами, охраны труда, деловой этики, предъявляя аналогичные требования к своим зарубежным подразделениям и партнерам (Safonchuk & Vitman, 2019). Данные принципы являлись одним из обязательных условий выхода на европейский рынок.

Повсеместное лоббирование западной цивилизацией всему миру принципов «зеленой» экономики и предлагаемых механизмов решения проблем устойчивости следует рассматривать неоднозначно. Вполне справедливым является утверждение М. Саламата о том, что экономика склонна к эгоизму, который преобладает над полезными социальными и экологическими преобразованиями коллективного характера (Salamat, 2016). С одной стороны, социальную ответственность бизнеса и «зеленый» вектор можно рассматривать как институциональную форму вынужденной адаптации хозяйствующих субъектов к растущим требованиям гражданского общества и регуляторов, с другой стороны как способ экспансии норм и практик на контрагентов и партнеров по глобальным цепям поставок и лоббирования своих интересов организованными субъектами, располагающими ресурсами (Фролов, Шулимова, 2013; Greenwood et al., 2002).

4. Современные представления об устойчивом развитии

Современный этап разработки концепции устойчивого развития отличается системным междисциплинарным подходом. Представления об устойчивом развитии в отличие от идеи «нулевого роста» Дейли (Daly, 1991) уже не противопоставляют экономический рост и сохранение окружающей среды, предполагая гармонию — одновременную реализацию экономического роста и решения экологических проблем. Однако Т. Кульман и Дж. Фаррингтон, критикуя триаду «экономика-экология-общество», справедливо приходят к выводу: «Хотя мы используем природные ресурсы за счет будущих поколений, мы также генерируем капитал (в том числе знания), который повышает благосостояние в будущем. Главный вопрос в том, насколько одно компенсирует другое» (Kuhlman & Farrington, 2010). Важные вопросы в свете дискуссии о сохранении окружающей среды при стабильном экономическом росте относятся к будущим моделям потребления товаров, качественных продуктов питания, воды, энергии и т. д.

Расширение временного горизонта при решении задач устойчивого развития предполагает эволюционный подход. Представители неоклассического направления не учитывали эффект «размазывания институционального действия» во времени (Сухарев, 2013), не придавали также значения влиянию институтов в краткосрочном и среднесрочном временном периоде (Nelson & Winter, 1982). Издержками институционального подхода является нефокусированный взгляд на предмет анализа. Институциональная и неоклассическая теории рассматривают объекты преимущественно индивидуализировано и стационарно. Дополняя эти две теории, эволюционная теория концентрирует внимание на изучении будущей неопределенности и необратимости изменений.

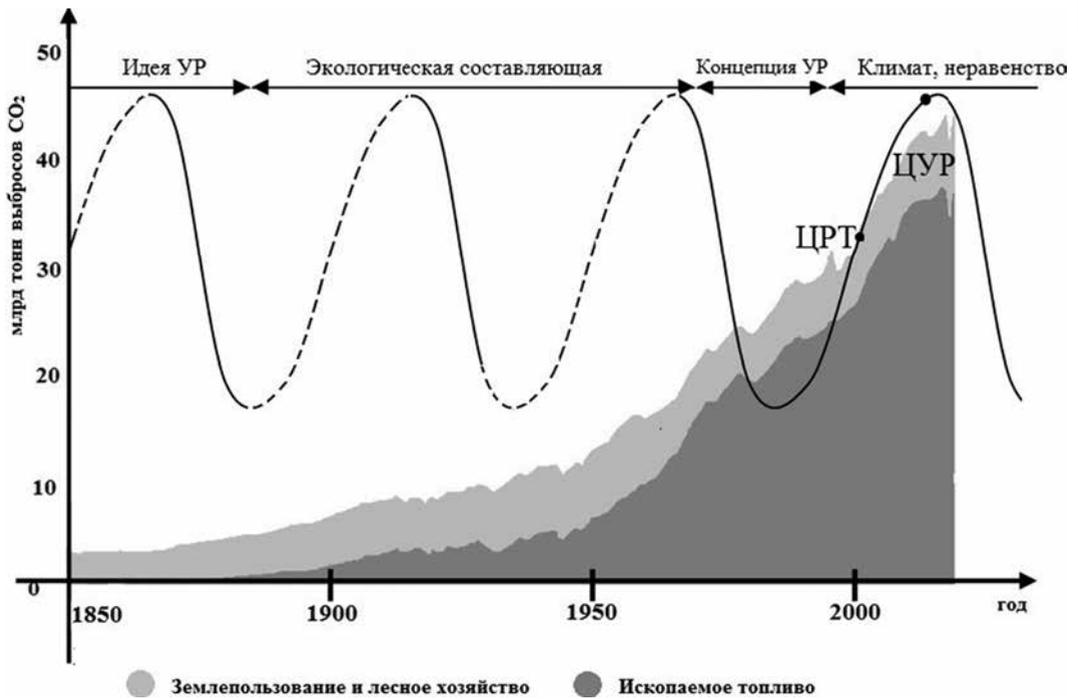
Планирование на долгосрочный временной период способствует формированию сбалансированной институциональной среды (Норт, 2010). Рассогласования в горизонтах планирования создают большие проблемы в создании и развитии эффективных институтов. Этой точки зрения придерживается академик И.Г. Ушачев, замечая, что при разработке планов стратегического развития или конкретных управленческих решений уделяется большее внимание проблемам текущего момента, в то время как перспективные задачи остаются уделом времени. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена отсутствием ориентации на долгосрочные цели, должной оценки возможных рисков и угроз (Ушачев, 2017). Учитывая эти данные, представляется очевидным, что вклад в концепцию устойчивого развития является плодотворным путем моделирования долгосрочных нелинейных механизмов обратной связи между экономическими процессами и изменением природной среды, неопределенностью и замкнутыми явлениями.

Эволюционная методология позволяет применить подход временной периодизации М.И. Туган-Барановского и Н.Д. Кондратьева, основанный на сочетании историко-статистического анализа с теоретическим, с тем, чтобы проследить за изменением внимания и переосмыслением научных подходов к проблеме устойчиво развития. Подобный прием встречается в работах Т.В. Алферовой, Г.П. Краснощекова, Г.С. Розенберга, К.Ю. Белоусова и др. Подходы авторов к систематизации и построению принципов периодизации отличаются по количеству этапов, их названиям, датам начала и окончания (Алферова, 2021; Краснощев, Розенберг, 2008). При этом логическими рубежами, на которые опираются авторы, служили конференции и саммиты межправительственных организаций, а также принятые программные документы в области устойчивого развития.

Формирование концепции устойчивого развития — это сложный многомерный процесс взаимодействия экономической, социальной и экологической подсистем с множеством элементов и их взаимосвязей. Осмысление ключевых детерминантов, обуславливающих трансформацию научных подходов к концепции, позволило визуализировать этапы ее становления: периоды зарождения и спада интереса к решению проблем устойчивого экономического, социального и экологического развития на разных временных интервалах (рис.).

На рисунке совмещены периодические 40–60-летние циклы сменяющихся подъемов и спадов мировой экономики с динамикой глобальных выбросов диоксида углерода от объемов ископаемого топлива и землепользования¹. На протяжении 150 лет в месте с ростом населения экспоненциально росло выделение CO₂ и тепла при сжигании углеродного топлива, что являлось следствием смены технологических укладов и интенсивного промышленного развития. Рост выбросов CO₂ стал рассматриваться в качестве характеристики экологического воздействия, ориентира антропогенной нагрузки на природу (Houghton & Nassikas, 2017; Hansis, 2015). На рисунке отчетливо прослеживается, что наибольший импульс концепция устойчивого развития получала именно на этапах циклических экономических спадов (сплошная линия). Смена очередного цикла обуславливала естественный пересмотр научных взглядов представителей различных экономических школ. Однако начиная с 1970-х гг. прошлого столетия — начала этапа циклического экономического подъема — стал наблюдаться беспрецедентный рост выбросов CO₂

¹ Carbon Dioxide Information Analysis Center. URL: <https://cdiac.ess-dive.lbl.gov/> (дата обращения: 14.09.2022).

Рис. Эволюция представлений об устойчивом развитии с 1850 г. по 2020 г.
Fig. Evolution of the Sustainable Development Concept from 1850 to 2020

и числа негативных экологических последствий все больше получающих отклик в нормальном режиме существования. Концепция устойчивого развития стала звучать повсеместно. Выработка новых подходов к решению накопившихся проблем уже не могла происходить в фарватере традиционных экономических знаний.

Проблема роста населения, неограниченного роста потребления и увеличивающейся нагрузки на природу перешла из разряда важных теоретических проблем в практическую плоскость. Понимание необходимости выработки конкретных решений выразилось в виде принятия 8 Целей развития тысячелетия (ЦРТ), затем 17 целей устойчивого развития (ЦУР). Важнейшими шагами в направлении долгосрочного планирования в контексте устойчивого развития стала серия глобальных конференций ООН, начавшаяся в начале 1990-х гг., включая Конференцию по окружающей среде и развитию, так называемый «Саммит Земли», состоявшийся в Рио-де-Жанейро. В дальнейшем в сентябре 2000 г. на Саммите тысячелетия в Нью-Йорке были подготовлены и согласованы «Цели развития тысячелетия» (2000–2015 гг.):

- 1) ликвидация крайней нищеты и голода,
- 2) обеспечение всеобщего национального образования,
- 3) поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин,
- 4) сокращение детской смертности,
- 5) улучшение охраны материнства,
- 6) борьба с ВИЧ, СПИДом, малярией и другими заболеваниями,
- 7) обеспечение экологической устойчивости,
- 8) формирование глобального партнерства в целях развития.

Большинство из ЦРТ были ориентированы на 2015 год и использовали 1990 год в качестве базового ориентира. Эти цели одновременно были скромны и амбициозны. В декларации ЦРТ они представляли собой более практическое выражение принципа равновесия между экономической, социальной и экологической составляющими устойчивого развития.

Момент достижения межстранового согласия и, соответственно, «общего знаменателя» пришелся на 2015 г., когда на платформе ООН консенсусным порядком приняли «Парижское соглашение об изменении климата» и резолюцию Генассамблеи ООН о целях устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 г.¹ ЦУР (2015–2030 гг.):

- 1) ликвидация нищеты;
- 2) ликвидация голода,
- 3) хорошее здоровье и благополучие,
- 4) качественное образование,
- 5) гендерное равенство,
- 6) чистая вода и санитария,
- 7) недорогостоящая и чистая энергия,
- 8) достойная работа и экономический рост,
- 9) индустриализация, инновации, инфраструктура,
- 10) уменьшение неравенства,
- 11) устойчивые города и населенные пункты,
- 12) ответственное потребление и производство,
- 13) борьба с изменениями климата,
- 14) сохранение морских экосистем,
- 15) сохранение экосистем суши,
- 16) мир, правосудие и эффективные институты,
- 17) партнерство в интересах устойчивого развития.

Если обратиться к основному содержанию Парижского соглашения и Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., можно заключить, что первый документ призывает мировое сообщество достичь к 2050 г. «климатической нейтральности» (баланс между объемом эмиссии и масштабом естественного поглощения парниковых газов), предлагая для этого систему коллективных и индивидуальных мер, и в первую очередь, ограничение эмиссии CO₂ и наращивание зеленой энергетики. Последняя, как предполагается, позволит затормозить процесс глобального потепления, приостановив повышение средней температуры не более чем на 1,5 °С. Второй документ определяет 17 ключевых целей, реализация которых должна открыть путь перехода на платформу устойчивого развития. Обозначенные цели устойчивого развития с их 169 задачами следует рассматривать как продолжение работы, начатой с восьми ЦРТ. Однако цели устойчивого развития являются более всеобъемлющими и нацелены на все государства — члены ООН, тогда как ЦРТ были ориентированы преимущественно на борьбу с бедностью в развивающихся странах.

¹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция ГА ООН от 25.09.2015 (A/RES/70/1). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 06.10.2022); Парижское соглашение. Организация объединенных наций. FCCC/cp/2015/L.9/Rev.1. Рамочная конвенция об изменении климата. Конференция сторон. Приложение. Двадцать первая сессия. Париж, 30 ноября — 11 декабря 2015 г. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r01r.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).

5. Вектор неопределенности

На пути вектора устойчивого развития и решения поставленных задач преобладает множество неопределенностей, особенно в отношении существования и размера будущих поколений, меняющихся предпочтений, технологических и политических изменений, экологических процессов. Малдер Р. и ван ден Берг Й., рассуждая о необратимых свойствах в неоклассической и эволюционной теориях, справедливо замечают, что не существует идеального предвидения будущих взаимоотношений между экономикой и окружающей средой (Mulder & van den Bergh, 2001). В работе «2030 is tomorrow: transformative change for a mistreated mother Earth» Ричардсон Дж. и Эрделен В. аргументировано развивают мысль о том, что глобальное изменение климата и утрата биоразнообразия, а также быстрое развитие информационных технологий и искусственного интеллекта могут привести к радикальным изменениям с настоящего момента по 2030 г. По их мнению, в ближайшем будущем опасения мирового сообщества могут стать более серьезными или могут возникнуть новые проблемы, такие как инфекционные заболевания, высокотехнологичные войны с использованием искусственного интеллекта и робототехники и изменение географических моделей политической стабильности и нестабильности соответственно (Richardson & Erdelen, 2021).

Одним из примеров непрогнозируемого масштабного шока стала пандемия COVID-19. Это глобальное негативное явление показало значительное дисбалансирующее воздействие на устойчивость социально-экономических систем. Данное явление разделило восприятие устойчивого развития на предпандемийное и постпандемийное. В первом случае устойчивым считалось развитие, если оно будет экономически сбалансированным, социально инклюзивным и уравновешенным, экологически ответственным, биологически безопасным, институционально настроенным на соблюдение интересов большинства и уважение прав меньшинства (Давыдов, 2021). Постпандемийное же восприятие связано с обострением назревших глубоких проблем. Пандемия повысила риски, идущие еще от экономического кризиса 2008–2009 гг., в обеспечении продовольственной безопасности, обернула вспять (почти на десятилетие) достижения в борьбе с бедностью и усугубила социальный разрыв, высветила неравенство в положении отдельных стран и в соотношении между ними, обесценила результаты продвижения на пути к другим целям устойчивого развития. На первый план вышли факторы нарастающего неравенства (международного, внутристранового, гендерного), проблемы расслоения общества, мирового перераспределения выгод от современного техногенного типа экономического развития, а также догоняющего развития стран в условиях реализации стратегии декарбонизации. Процесс увеличения мирового богатства осуществляется параллельно с ростом числа беднейших стран.

В июле 2022 г. Организацией Объединенных Наций был опубликован доклад «Кризисы неравенства», в котором было указано, что «Экономическое и социальное неравенство — движущая сила неравенства политического». «Неравенство, разрушение окружающей среды и уязвимость человечества перед лицом кризисов — это не недостатки, а неотъемлемые черты существующей ныне глобальной экономической системы».¹ Мировые социально-экономические потрясения и нарастающая напряженность усугубили кризис, приведя к резкому росту цен на про-

¹ A Crisis Unequality. Switching power on New eco-social contract. URL: <https://cdn.unrisd.org/assets/library/reports/preview-unrisd-flagship-report-2022.pdf> (дата обращения: 27.10.2022).

довольствие и энергетические ресурсы, нарушению цепочек поставок и глобальной торговли, потрясению финансовых рынков, создав угрозу глобальной продовольственной безопасности. Организация Объединенных Наций описывает данный процесс как глобальный трехмерный кризис (продовольственный, энергетический и финансовый), который оказал каскадное воздействие на мировую экономику.

Нарастание геополитических рисков и кризис системы международных отношений формирует новую реальность, которая характеризуется высокой неопределенностью, снижением мировой динамики экономического развития, значительным сужением горизонта планирования, изменением приоритетов в пользу краткосрочных социально-экономических задач.

На очередном этапе циклического экономического спада актуальность повестки устойчивого развития и принятые обязательства стран сохраняются, однако явной становится ориентация на экономический рост в количественной его составляющей, на основе интенсивного использования традиционных технических решений, снижаются стандарты экологического регулирования, финансовые инвестиции в человеческие ресурсы и зеленые проекты. Например, спровоцированный геополитическими разногласиями энергетический кризис в Европе заставил такие страны как Германия, Австрия, Болгария, Румыния и Италия, вопреки принципам зеленой экономики, расконсервировать собственные угольные шахты и вернуться к работе угольных ТЭЦ. Одновременно под нарастающим санкционным давлением в России происходит снижение экологического контроля в пользу сохранения экономики. Приоритеты устойчивого развития неизбежно будут трансформироваться с учетом новых обстоятельств и трендов, что обуславливает необходимость пересмотра большинства стратегий и программ устойчивого развития.

6. Выводы

До начала 2000-х гг. при исследовании проблем устойчивого развития в центре внимания классических направлений экономической мысли было изучение зависимости экономического роста от потребления природных ресурсов. По мере расширения процессов глобализации, смены технологических укладов, а также влияния других макроэкономических факторов, менялись научные взгляды на проблемы устойчивого развития. С использованием метода временной периодизации в сопровождении с историко-статистическим анализом установлено, что импульс в переосмыслении теоретико-методологических подходов к концепции устойчивого развития происходил преимущественно на этапах циклических экономических спадов.

Текущие изменения внешних условий, которые пришлись на очередной виток социально-экономического развития, характеризуются динамичностью, противоречивостью и неоднозначностью. Постепенное обострение таких факторов, как рост числа природных катаклизмов и истощение ресурсов, риски геополитической напряженности, усиление экономического неравенства, избыточное социальное расслоение общества и др. поставили под сомнение традиционные механизмы реализации идей по отношению к триаде «экономика–природа–общество».

Постановка глобальных целей через международные неправительственные организации ранее рассматривалась как новый тип глобального управления. Однако это происходило и происходит посредством документов, большинство из которых не имеет обязательной юридической силы. В результате присутствует оторванность и несогласованность международно-правовой системы. Мировая практика

показала, что слабые межправительственные институциональные механизмы не способны привести к консенсусу между государствами. Фрагментарность в подходах к решению проблем устойчивого развития препятствует принятию действенных государственных решений, ведет к разногласиям в реализации системы стратегических мер, разделении усилий по оценке происходящего, разрозненном подходе к разработке политики стран промышленно развитого мира.

Реализация концепции устойчивого развития требует сочетания сбалансированной политики и признания общих принципов устойчивого развития в системе национальных приоритетов (Biermann, 2017; Sachs, 2019). В то же время актуальные глобальные тренды меняют ключевые детерминанты устойчивого развития. Последствия трансформации социально-экономического пространства приводят к переосмыслению целей экономической деятельности и основополагающих принципов развития, формированию новой системы ценностей и институтов, изменению запросов со стороны общества к качеству жизни. Обеспечение национальной безопасности стран стало приоритетной задачей, решение которой потребовало незамедлительных действий, отодвигая на второй план повестку планетарного масштаба. Системное стратегическое планирование и институциональное проектирование на основе классических положений экономической теории сменились на ручной тип управления в условиях узкого горизонта планирования.

Список источников

- Алферова, Т. В. (2021). Становление концепции устойчивого развития. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, 1, 252–263. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.19>
- Гизатуллин, Х. Н., Троицкий, В. А. (1998). Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма. *Общественные науки и современность*, 5, 124–130.
- Давыдов, В. М. (2021). Императивы устойчивого развития в тени и в свете пандемии. *Мировая экономика и международные отношения*, 65 (3), 11–22. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-11-22>
- Иванов, С. Ф. (1995). Экологические последствия роста населения: глобальный консенсус. *Мировая экономика и международные отношения*, 10, 108–115.
- Кадомова, М. Е. (2021). Концептуальные аспекты устойчивого развития экономических систем: эволюция подходов и современная парадигма. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, 21 (3), 263–270. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>
- Кадомова, М. Е. (2021). Оценка институциональных изменений в агросстраховании. *Журнал экономической теории*, 18 (3), 448–461. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.9>
- Краснощеков, Г. П., Розенберг, Г. С. (2008). Хронология (календарь) событий, связанных со становлением представлений об «Устойчивом развитии». *Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии*, 2 (24), 221–288.
- Левашов, В. К. (2014). Социально-политические риски устойчивого развития. *Вестник Российской академии наук*, 84 (2), 143–152.
- Локк, Д. (1988). *Сочинения: в 3 т.* Том 3. Москва: Мысль, 668.
- Мантатов, В. В., Мантатова, Л. В. (2017). Философия устойчивого развития: диалектика и реализм. *Вестник БГУ*, 5, 3–14. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-3-14>
- Марш, Д. П. (1866). *Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы*. Пер. с англ. Неведомского Н. А. Санкт-Петербург: Н. Поляков и Ко, 587.
- Мастушкин, М. Ю. (2005). Трансформация функций государства при переходе к устойчивому развитию. *Конституция. Гражданин. Общество*. Москва: МГИМО-Университет, 158–175.

- Медоуз, Д., Рандерс, Й., Медоуз, Д. (2007). *Пределы роста. 30 лет спустя*. Москва: Академкнига, 342.
- Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. Москва: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 256.
- Окрепилов, В. В. (ред.) (2007). *Лауреаты Нобелевской премии по экономике: Автобиографии, лекции, комментарии. Т. 1. 1969–1982*. Санкт-Петербург: Наука, 92.
- Пыжев, А. И. (2021). Исследования экономики лесного комплекса России: библиометрический анализ. *Terra Economicus*, 19 (1), 63–77. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77>
- Сухарев, О. С. (2011). Экономический рост, благосостояние и институциональные изменения. *Journal of Institutional studies*, 3 (3), 19–39.
- Сухарев, О. С. (2013). Институциональные и технологические изменения: границы анализа эволюционной теории. *Journal of Institutional Studies*, 5 (2), 88–115.
- Тамбовцев, В. Л. (2019). Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа. *Journal of Institutional Studies*, 11 (3), 104–118. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118>
- Тяглов, С. Г., Такмашева, И. В. (2019). Развитие бережливого производства в условиях трансформации региональной экономики. *Журнал экономического регулирования*, 10 (1), 107–119. <http://dx.doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.1.107-119>
- Ушацев, И. Г. (2017). Основные направления стратегии устойчивого развития АПК России. *Вестник Российской академии наук*, 87 (12), 1074–1081. <https://doi.org/10.7868/S0869587317120039>
- Фенин, К. В. (2018). Эволюция классических и неоклассических теорий территориального разделения труда и международной торговли. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*, 18 (3), 267–274. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274>
- Фролов, Д. П., Шулимова, А. А. (2013). Институциональная системность социальной ответственности бизнеса (природа, институции, механизм). *Journal of Institutional Studies*, 5 (1), 124–144.
- Шаститко, А. (1995). Неоклассическая экономическая теория: критический анализ предпосылок. *Мировая экономика и международные отношения*, 10, 18–31.
- Amantova-Salmane, L. (2017). Guiding principles: the role of science in the ethics of sustainable development. *Latgale National Economy Research*, 1 (9), 5–13. <https://doi.org/10.17770/Iner2017vol1.9.2454>
- Baumol, W. J., Oates, W. E. (1988). *The Theory of Environmental Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173513>
- Biermann, F., Kanie, N., Kim, R. E. (2017). Global governance y goal-setting: the novel approach of the UN sustainable development goals. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 26–27, 26–31. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.010>
- Boulding, K. E. (1966). *The Economics of the Coming Spaceship Earth*. In *Environmental Quality in a Growing Economy*. In Jarret H. Baltimore (Ed.). Johns Hopkins University Press. URL: http://www.zo.utexas.edu/courses/thoc/Boulding_SpaceshipEarth.pdf (дата обращения: 04.09.2022).
- Cannan, E., Pigou, A. (1921). The Economics of Welfare. *The Economic Journal*, 31, 206–213. <https://doi.org/10.2307/2222816>
- Carroll, A. (1979). Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Social Responsibility Performance. *Academy of Management Review*, 4, 5–9. <https://doi.org/10.2307/257850>
- Choudhary, S., Nayak, R., Dora, M., Mishra, N., Ghadge, A. (2019). An integrated lean and green approach for improving sustainability performance: A case study of a packaging manufacturing SME in the U.K. *Production Planning & Control*, 30 (5–6), 353–368. <https://doi.org/10.1080/09537287.2018.1501811>
- Daly, H. E. (1991). *Elements of Environmental Macroeconomics*. In *Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability*. New York: Columbia University Press, 32–46. URL: <https://www.jstor.org/stable/30301601>. (дата обращения: 11.08.2022).

Dempsey, N., Bramley, G., Power, S., Brown, C. (2011). The Social Dimension of Sustainable Development: Defining Urban Social Sustainability. *Sustainable Development*, 19(5), 289–300. <https://doi.org/10.1002/sd.417>

Detomasi, D. (2005). The Political Roots of Corporate Social Responsibility. *Journal of Business Ethics*, 82(4), 29–32. <https://doi.org/10.1007/s10551-007-9594-y>

Forrester, J. W. (1971). *World Dynamics*. Cambridge: Wright-Allen Press, Inc. Cambridge, 142. <https://doi.org/10.1017/S0770451800029973>

Gradus, R., Smulders, S. (1993). The Trade-Off Between Environmental Care and Longterm Growth: Pollution in Three Proto-Type Growth Models. *Journal of Economics*, 58, 25–51. <https://doi.org/10.1007/BF01234800>

Greenwood, R., Suddaby, R., Hinings, C. R. (2002). Theorizing Change: The Role of Professional Associations in The Transformation of Institutionalized fields. *Academy of Management Journal*, 45, 58–80. DOI: 10.2307/3069285.

Hansis, E., Davis, S. J., Pongratz, J. (2015). Relevance of Methodological Choices for Accounting of Land Use Change Carbon Fluxes. *Global Biogeochemical Cycles*, 29, 1230–1246. <https://doi.org/10.1002/2014GB004997>

Holling, C. (1987). Simplifying the Complex: the Paradigms of Ecological Function and Structure. *European Journal of Operational Research*, 30, 139–146. URL: <https://www.jstor.org/stable/827472> (дата обращения: 29.07.2022).

Hotelling, H. (1931). The Economics of Exhaustible Resources. *Journal of Political Economy*, 39, 137–175. URL: <https://www.jstor.org/stable/1822328> (дата обращения: 21.07.2022).

Houghton, R. A., Nassikas, A. A. (2017). Global and Regional Fluxes of Carbon from Land Use and Land Cover Change 1850–2015. *Global Biogeochemical Cycles*, 31, 456–472. <https://doi.org/10.1002/2016GB005546>

Jakhar, S. K., Rathore, H., Mangla, S. K. (2018). Is lean synergistic with sustainable supply chain? An empirical investigation from emerging economy. *Resources, Conservation & Recycling*, 139, 262–269. <http://dx.doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.08.019>

Kanke, V. A., Denikin, A. V., Denikina, Z. D., Shermukhamedova, N. A., Yusupova, I. N. (2021). The Conception of Sustainable Development: from Environmentalism to Ethics and Philosophy of Science. *Laplage Em Revista*, 7(3A), 103–110.

Klarin, T. (2018). The Concept of Sustainable Development: From its Beginning to the Contemporary Issues. *Zagreb International Review of Economics and Business*, 21(1), 67–94. <https://doi.org/10.2478/zireb-2018-0005>

Kuhlman, T., Farrington, J. (2010). What is sustainability? *Sustainability*, 2(11), 3436–3448. <https://doi.org/10.3390/su2113436>

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. London: New Haven, 882–883. <https://doi.org/10.2307/2229582>

Magnin, E. (2018). Varieties of Capitalism and Sustainable Development: Institutional Complementarity Dynamics or Radical Change in the Hierarchy of Institutions? *Journal of Economic Issues*, 52(4), 1143–1158. <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1536017>

Malthus, Th. R. (1959). *Population: The First Essay*. Michigan: University of Michigan Press, 134.

Meadows, D., Randers, J., Meadows, D., Behrens III, W. W. (1972). *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books, 211.

Mulder, P., van den Bergh, J. C. (2001). Evolutionary economic theories of sustainable development. *Growth and Change*, 32(1), 110–134. <https://doi.org/10.1111/0017-4815.00152>

Munda, G. (1997). Environmental Economics, Ecological Economics, and the Concept of Sustainable Development. *Environmental Values*, 6, 213–233. <https://doi.org/10.3197/096327197776679158>.

Nelson, R. R., Winter, S. G. (1982). *An evolutionary theory of economic change*. Cambridge: Harvard University Press, 452.

- Ni'mah, N., Wibisono, B., Roychansyah, M. (2021). Urban Sustainability and Resilience Governance: Review from The Perspective of Climate Change Adaptation and Disaster Risk Reduction. *Journal of Regional and City Planning*, 32 (1), 83–98. <https://doi.org/10.5614/jpwk.2021.32.1.6>
- Opschoor, J. B., van der Straaten, J. (1993). Sustainable development: an institutional approach. *Ecological Economics*, 7 (3), 203–222. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(93\)90004-P](https://doi.org/10.1016/0921-8009(93)90004-P)
- Ostrom, E., Burger, J., Field, C., Norgaard, R. B., Policansky, D. (1999). Revisiting the commons: local lessons, global challenges. *Science*, 284, 278–282.
- Richardson, J. G., Erdelen, W. R. (2021). “2030 is tomorrow: transformative change for a mistreated mother Earth”. *Foresight*, 23 (3), 257–272. <https://doi.org/10.1108/FS-03-2020-0029>
- Sachs, J. D., Schmidt-Traub, G., Mazzucato, M., Messner, D., Nakicenovic, N., Rockstrom, J. (2019). Six transformations to achieve the sustainable development goals. *Nature Sustainability*, 2 (9), 805–814. <https://doi.org/10.1038/s41893-019-0352-9>
- Safonchik, O., Vitman, K. (2019). Prospects of corporate social responsibility development in the EU in sustainable development. *Baltic Journal of Economic Studies*, 5(4), 212–220. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2019-5-4-212-220>
- Salamat, M. R. (2016). Introduction. Ethics of sustainable development: the moral imperative for the effective implementation of the 2030 agenda for sustainable development. *Natural Resources Forum*, 40(1–2), 3–5. <https://doi.org/10.1111/1477-8947.12096>
- Saleth, R. M., Dinar, A. (2004). *The Institutional Economics of Water: A CrossCountry Analysis of Institutions and Performance*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 416.
- Sathaye, J., Najam, A., Cocklin, C. et al. (2007). Sustainable development and mitigation. *Climate Change 2007: Mitigation. Contribution of Working Group III to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: <https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ar4-wg3-chapter12-1.pdf> (дата обращения: 14.09.2022).
- Söderbaum, P. (1992). Neoclassical and institutional approaches to development and the environment. *Ecological Economics*, 5(2), 127–144. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(92\)90042-Q](https://doi.org/10.1016/0921-8009(92)90042-Q)
- Vujcich, H., McGuinness, W. (2008). *Institutions for Sustainable Development: Learning from International Experience. Background Paper to Report 4: Institutions for Sustainable Development: Developing an optimal framework for New Zealand. Project 2058*. Wellington: Sustainable Future Institute. URL: <http://www.mcguinnessinstitute.org/wp-content/uploads/2016/08/Project-2058-Report-4a-Web.pdf/> (дата обращения: 01.10.2022).
- Wicher, J. (2014). The relationship between informal institutions and a sustainable development-Evidence from a panel data set. *International Journal of Business and Management*, 2 (3), 172–191.
- Young, O. R. (2002). Evaluating the success of international environmental regimes: where are we now? *Global Environment Change*, 12, 73–77. [https://doi.org/10.1016/S0959-3780\(01\)00017-6](https://doi.org/10.1016/S0959-3780(01)00017-6)

References

- Alferova, T. V. (2021). Stanovlenie kontseptsii ustoychivogo razvitiya [Establishment of the concept of sustainable development: regional aspect]. *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]*, 1, 252–263. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.19> (In Russ.)
- Amantova-Salmane, L. (2017). Guiding principles: the role of science in the ethics of sustainable development. *Latgale National Economy Research*, 1 (9), 5–13. <https://doi.org/10.17770/Iner2017vol1.9.2454>.
- Baumol, W. J. & Oates, W. E. (1988). *The Theory of Environmental Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173513>
- Biermann, F., Kanie, N. & Kim, R. E. (2017). Global governance y goal-setting: the novel approach of the UN sustainable development goals. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 26–27, 26–31. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.010>
- Boulding, K. E. (1966). *The Economics of the Coming Spaceship Earth*. In Jarret H. Baltimore (Ed.). Johns Hopkins University Press. Retrieved from: http://www.zo.utexas.edu/courses/thoc/Boulding_SpaceshipEarth.pdf (Date of access: 04.09.2022).

Cannan, E. & Pigou, A. (1921). The Economics of Welfare. *The Economic Journal*, 31, 206–213. <https://doi.org/10.2307/2222816>

Carroll, A. (1979). Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Social Responsibility Performance. *Academy of Management Review*, 4, 5–9. <https://doi.org/10.2307/257850>

Choudhary, S., Nayak, R., Dora, M., Mishra, N. & Ghadge, A. (2019). An integrated lean and green approach for improving sustainability performance: A case study of a packaging manufacturing SME in the U.K. *Production Planning & Control*, 30 (5–6), 353–368. <https://doi.org/10.1080/09537287.2018.1501811>

Daly, H. E. (1991). *Elements of Environmental Macroeconomics*. In *Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability*. New York: Columbia University Press, 32–46. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/30301601>. (Date of access: 11.08.2022).

Davydov, V. M. (2021). Imperativy ustoychivogo razvitiya v teni i v svete pandemii [Imperatives of Sustainable Development in the Shadow and in the Light of the Pandemic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 65 (3), 11–22. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-11-22> (In Russ.)

Dempsey, N., Bramley, G., Power, S. & Brown, C. (2011). The Social Dimension of Sustainable Development: Defining Urban Social Sustainability. *Sustainable Development*, 19 (5), 289–300. <https://doi.org/10.1002/sd.417>

Detomasi, D. (2005). The Political Roots of Corporate Social Responsibility. *Journal of Business Ethics*, 82 (4), 29–32. <https://doi.org/10.1007/s10551-007-9594-y>

Fenin, C. V. (2018). Evolyutsiya klassicheskoy i neoklassicheskoy teorii territorial'nogo razdeleniya truda i mezhdunarodnoy trgovli [The Evolution of classical and neoclassical theories of territorial labor division and international trade]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law]*, 18 (3), 267–274. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274> (In Russ.)

Forrester, J. W. (1971). *World Dynamics*. Cambridge: Wright-Allen Press, Inc. Cambridge, 142. <https://doi.org/10.1017/S0770451800029973>

Frolov, D. P. & Shulimova, A. A. (2013). Institutsional'naya sistemnost' sotsial'noy otvetstvennosti biznesa (priroda, institutsii, mekhanizm) [The Institutional Complexity of Corporate Social Responsibility (Nature, Institutions, Mechanism)]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]*, 5 (1), 124–144. (In Russ.)

Gizatullin, H. N. & Troitsky, V. A. (1998). Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya: novaya sotsial'no-ekonomicheskaya paradigma [The concept of sustainable development: new socio-economic paradigm]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and contemporary world]*, 5, 124–130. (In Russ.)

Gradus, R. & Smulders, S. (1993). The Trade-Off Between Environmental Care and Longterm Growth: Pollution in Three Proto-Type Growth Models. *Journal of Economics*, 58, 25–51. <https://doi.org/10.1007/BF01234800>

Greenwood, R., Suddaby, R. & Hinings, C. R. (2002). Theorizing Change: The Role of Professional Associations in The Transformation of Institutionalized fields. *Academy of Management Journal*, 45, 58–80. DOI: 10.2307/3069285

Hansis, E., Davis, S. J. & Pongratz, J. (2015). Relevance of Methodological Choices for Accounting of Land Use Change Carbon Fluxes. *Global Biogeochemical Cycles*, 29, 1230–1246. <https://doi.org/10.1002/2014GB004997>

Holling, C. (1987). Simplifying the Complex: The Paradigms of Ecological Function and Structure. *European Journal of Operational Research*, 30, 139–146. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/827472> (Date of access: 29.07.2022).

Hotelling, H. (1931). The Economics of Exhaustible Resources. *Journal of Political Economy*, 39, 137–175. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/1822328> (Date of access: 21.07.2022).

Houghton, R. A. & Nassikas, A. A. (2017). Global and Regional Fluxes of Carbon from Land Use and Land Cover Change 1850–2015. *Global Biogeochemical Cycles*, 31, 456–472. <https://doi.org/10.1002/2016GB005546>

Ivanov, S. F. (1995). Ekologicheskie posledstviya rosta naseleniya: global'nyy konsensus [Environmental consequences of population growth: a global consensus]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 10, 108–115. (In Russ.)

Jakhar, S. K., Rathore, H. & Mangla, S. K. (2018). Is lean synergistic with sustainable supply chain? An empirical investigation from emerging economy. *Resources, Conservation & Recycling*, 139, 262–269. <http://dx.doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.08.019>

Kadomtseva, M. Y. (2021). Konceptual'nye aspekty ustoychivogo razvitiya ekonomicheskikh sistem: evolyuciya podhodov i sovremennaya paradigma [Conceptual aspects of sustainable development of economic systems: Evolution of approaches and modern paradigm]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law]*, 21 (3), 263–270. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270> (In Russ.)

Kadomtseva, M. Y. (2021). Otsenka institutsional'nykh izmeneniy v agrostrakhovanii [Assessment of Institutional Development in Agricultural Insurance]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18 (3), 448–461. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.9> (In Russ.)

Kanke, V. A., Denikin, A. V., Denikina, Z. D., Shermukhamedova, N. A. & Yusupova, I. N. (2021). The Conception of Sustainable Development: from Environmentalism to Ethics and Philosophy of Science. *Laplace Em Revista*, 7 (3A), 103–110.

Klarin, T. (2018). The Concept of Sustainable Development: From its Beginning to the Contemporary Issues. *Zagreb International Review of Economics and Business*, 21 (1), 67–94. <https://doi.org/10.2478/zireb-2018-0005>

Krasnoshchekov, G. P. & Rozenberg, G. S. (2008). Khronologiya (kalendar') sobytii, svyazannykh so stanovleniem predstavleniy ob "ustoychivom razviti" [From extraction of oysters to sustainable development (chronology of the basic events)]. *Samarskaya Luka: problemy regional'noy i global'noy ekologii [Samarskaya Luka: problems of regional and global ecology]*, 2 (24), 221–288. (In Russ.)

Kuhlman, T. & Farrington, J. (2010). What is sustainability? *Sustainability*, 2 (11), 3436–3448. <https://doi.org/10.3390/su2113436>

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. London: New Haven, 882–883. <https://doi.org/10.2307/2229582>

Levashov, V. K. (2014). Sotsial'no-politicheskie riski ustoychivogo razvitiya [Socio-political risks of sustainable development]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 84 (2), 143–152. (In Russ.)

Lokk, D. (1988). *Sochineniya: v 3 tomakh [Essays: in 3 volumes. Volume 3]* Moscow, Russia: Mysl', 668. (In Russ.)

Magnin, E. (2018). Varieties of Capitalism and Sustainable Development: Institutional Complementarity Dynamics or Radical Change in the Hierarchy of Institutions? *Journal of Economic Issues*, 52 (4), 1143–1158. <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1536017>

Malthus, Th. R. (1959). *Population: The First Essay*. Michigan: University of Michigan Press, 134.

Mantatov, V. V. & Mantatova, L. V. (2017). Filosofiya ustoychivogo razvitiya: dialektika i realizm [Philosophy of sustainable development: Dialectics and realism]. *Vestnik BGU [BSU Bulletin]*, 5, 3–14. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-3-14> (In Russ.)

Marsh, G. P. (1866). *Chelovek i priroda, ili O vliyaniy cheloveka na izmenenie fiziko-geograficheskikh usloviy prirody [Man and Nature; or, Physical Geography as Modified by Human Action]*. Translated from English by Nevedomskiy N. A. St. Petersburg, Russia: N. Polyakov & Co, 587.

Mastushkin, M. Yu. (2005). Transformatsiya funktsiy gosudarstva pri perekhode k ustoychivomu razvitiyu [Transformation of state functions in the transition to sustainable development]. *Konstitutsiya. Grazhdanin. Obshchestvo [Constitution. Citizen. Society: Scientific works]*. Moscow, Russia: MGIMO-University, 158–175. (In Russ.)

- Meadows, D., Randers, J. & Meadows, D. (2007). *Predely rosta. 30 let spustya [Limits of Growth. The 30-Year Update]*. Moscow, Russia: Akademkniga Publ., 342. (In Russ.)
- Meadows, D., Randers, J., Meadows, D. & Behrens III, W. W. (1972). *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books, 211.
- Mulder, P. & van den Bergh, J. C. (2001). Evolutionary economic theories of sustainable development. *Growth and Change*, 32 (1), 110–134. <https://doi.org/10.1111/0017-4815.00152>
- Munda, G. (1997). Environmental Economics, Ecological Economics, and the Concept of Sustainable Development. *Environmental Values*, 6, 213–233. <https://doi.org/10.3197/09632719776679158>
- Nelson, R. R. & Winter, S. G. (1982). *An evolutionary theory of economic change*. Cambridge: Harvard University Press, 452.
- Ni'mah, N., Wibisono, B. & Roychansyah, M. (2021). Urban Sustainability and Resilience Governance: Review from The Perspective of Climate Change Adaptation and Disaster Risk Reduction. *Journal of Regional and City Planning*, 32 (1), 83–98. <https://doi.org/10.5614/jpwk.2021.32.1.6>
- North, D. C. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the process of economic change]*. Translated from English by K. Martynov, N. Edel'man. Moscow, Russia: HSE Publishing House, 256. (In Russ.)
- Okrepilov, V. V. (Ed.) (2007). *Laureaty Nobelevskoy premii po ekonomike: Avtobiografii, leksii, kommentarii. T. 1. 1969–1982 [Nobel Laureates in Economics: Autobiographies, Lectures, Commentaries. Vol. 1. 1969–1982]*. St. Petersburg, Russia: Nauka, 92. (In Russ.)
- Opschoor, J. B. & van der Straaten, J. (1993). Sustainable development: an institutional approach. *Ecological Economics*, 7 (3), 203–222. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(93\)90004-P](https://doi.org/10.1016/0921-8009(93)90004-P)
- Ostrom, E., Burger, J., Field, C., Norgaard, R. B. & Policansky, D. (1999). Revisiting the commons: local lessons, global challenges. *Science*, 284, 278–282.
- Pyzhev, A. I. (2021). Issledovaniya ekonomiki lesnogo kompleksa Rossii: bibliometricheskii analiz [Studies on the Russian forest industry: Bibliometric analysis]. *Terra Economicus*, 19 (1), 63–77. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77> (In Russ.)
- Richardson, J. G. & Erdelen, W. R. (2021). “2030 is tomorrow: transformative change for a mistreated mother Earth”. *Foresight*, 23 (3), 257–272. <https://doi.org/10.1108/FS-03-2020-0029>
- Sachs, J. D., Schmidt-Traub, G., Mazzucato, M., Messner, D., Nakicenovic, N. & Rockstrom, J. (2019). Six transformations to achieve the sustainable development goals. *Nature Sustainability*, 2 (9), 805–814. <https://doi.org/10.1038/s41893-019-0352-9>
- Safonchik, O. & Vitman, K. (2019). Prospects of corporate social responsibility development in the EU in sustainable development. *Baltic Journal of Economic Studies*, 5 (4), 212–220. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2019-5-4-212-220>
- Salamat, M. R. (2016). Introduction. Ethics of sustainable development: the moral imperative for the effective implementation of the 2030 agenda for sustainable development. *Natural Resources Forum*, 40 (1–2), 3–5. <https://doi.org/10.1111/1477-8947.12096>
- Saleth, R. M. & Dinar, A. (2004). *The Institutional Economics of Water: A CrossCountry Analysis of Institutions and Performance*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 416.
- Sathaye, J., Najam, A., Cocklin, C. et al. (2007). Sustainable development and mitigation. *Climate Change 2007: Mitigation. Contribution of Working Group III to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press. Retrieved from: <https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ar4-wg3-chapter12-1.pdf> (Date of access: 14.09.2022).
- Shastitko, A. (1995). Neoklassicheskaya ekonomicheskaya teoriya: kriticheskiy analiz predposylok [Neoclassical Economic Theory: A Critical Analysis of the Prerequisites]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 10, 18–31. (In Russ.)
- Söderbaum, P. (1992). Neoclassical and institutional approaches to development and the environment. *Ecological Economics*, 5 (2), 127–144. [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(92\)90042-Q](https://doi.org/10.1016/0921-8009(92)90042-Q)
- Sukharev, O. S. (2011). Ekonomicheskii rost, blagosostoyanie i institutsional'nye izmeneniya [Economic Growth, Welfare and Institutional Change]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]*, 3 (3), 19–39. (In Russ.)

Sukharev, O. S. (2013). *Institutsional'nye i tekhnologicheskie izmeneniya: granitsy analiza evolyutsionnoy teorii* [Institutional and Technological Changes: The Analysis Limits of Evolutionary Theory]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 5 (2), 88–115. (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2019). *Ustoychivoe regional'noe razvitiye: aktual'nye napravleniya institutsional'nogo analiza* [Sustainable Regional Development: Actual Directions of Institutional Analysis]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 11 (3), 104–118. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118> (In Russ.)

Tyaglov, S. G. & Takmasheva, I. V. (2019). *Razvitiye berezhlivogo proizvodstva v usloviyakh transformatsii regional'noy ekonomiki* [The Development of Lean Production in the Conditions of Transformation of the Regional Economy]. *Zhurnal ekonomicheskogo regulirovaniya* [Journal of economic regulation], 10 (1), 107–119. <http://dx.doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.1.107-119> (In Russ.)

Ushachev, I. G. (2017). *Osnovnye napravleniya strategii ustoychivogo razvitiya APK Rossii* [The main directions of the strategy for sustainable development of the agro-industrial complex of Russia]. *Vestnik Rossiyskoj akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 87 (12), 1074–1081. <https://doi.org/10.7868/S0869587317120039> (In Russ.)

Vujcich, H. & McGuinness, W. (2008). *Institutions for Sustainable Development: Learning from International Experience. Background Paper to Report 4: Institutions for Sustainable Development: Developing an optimal framework for New Zealand. Project 2058*. Wellington: Sustainable Future Institute. Retrieved from: <http://www.mcguinnessinstitute.org/wp-content/uploads/2016/08/Project-2058-Report-4a-Web.pdf/> (Date of access: 01.10.2022).

Wicher, J. (2014). The relationship between informal institutions and a sustainable development-Evidence from a panel data set. *International Journal of Business and Management*, 2 (3), 172–191.

Young, O. R. (2002). Evaluating the success of international environmental regimes: where are we now? *Global Environment Change*, 12, 73–77. [https://doi.org/10.1016/S0959-3780\(01\)00017-6](https://doi.org/10.1016/S0959-3780(01)00017-6)

Информация об авторе

Кадомяца Марина Евгеньевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды агропромышленного комплекса, Институт аграрных проблем — обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»; <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564> (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94.; e-mail: kozyreva_marina@mail.ru).

About the author

Marina Ye. Kadomtseva — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Laboratory of the Strategies for the Development of the Institutional Environment of the Agro-Industrial Complex, Institute of Agrarian Problems RAS — Subdivision of the Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564> (94, Moskovskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: kozyreva_marina@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 20.11.2022.

Прошла рецензирование: 15.12.2022.

Принято решение о публикации: 15.02.2023.

Received: 20 Nov 2022.

Reviewed: 15 Dec 2022.

Accepted: 15 Feb 2023.